

Чай Цзыжань босиком вошёл во двор, где повсюду росли персиковые деревья, усыпанные нежно-розовыми цветами. Лёгкий ветерок сорвал несколько лепестков, и они плавно опустились на изумрудную траву. Внезапно его осенило: в такой романтической обстановке, под сенью цветущих деревьев, если в Мо Цзюцзюне проснётся звериное начало и он поддастся его чарам, можно и невинность потерять.

Он вздрогнул, и босые ноги сами потянулись было назад. Но, вспомнив, что пришёл спасти невинных жителей уезда Суюй от страданий, он стиснул зубы. Его прекрасное лицо, искажённое скорбью и гневом, сморщилось. Он слегка ослабил хватку на синем одеяле, обнажив мужественную грудь и соблазнительный кадык. В сердце вдруг зародилось чувство глубокой тоски, как у героя, зашедшего в тупик.

Нехотя он прошептал:

— Мо Цзюцзюнь, господин Цзюцзюнь, братец Цзюцзюнь, хороший братец Цзюцзюнь.

— Чего? — Дверь в дом открылась. Мо Цзюцзюнь, опершись одной рукой о косяк, нахмурился, глядя на него. — Тебе не жарко?

Чай Цзыжань замер. Слово «жарко» готово было сорваться, но он подавил его, переполненный праведным рвением, и выдавил:

— Нет.

Мо Цзюцзюнь отступил, давая ему войти. Чай Цзыжань, решив, что раз уж на такое решился, должен проявить благородство и самоотверженность, снова опустил одеяло, обнажив белую грудь. Встав перед Мо Цзюцзюнем, он выпрямился, слегка покачивая подолом одеяла, и понизил голос:

— Хороший братец Цзюцзюнь, я так по тебе соскучился.

Лицо Мо Цзюцзюня оставалось бесстрастным.

— Вчера был в том месте, где нечисть и злые духи обитают?

Чай Цзыжань остолбенел. Мо Цзюцзюнь был выше на полголовы, пришлось поднять взгляд, чтобы встретиться с его глазами. Он помолчал, затем, подобно павлину, повёл плечами, отчего одеяло колыхнулось.

— Не находишь, что я сегодня особенно ослепителен? — Выпятил грудь. — Не кажется ли тебе мой белоснежный цвет кожи соблазнительным? — Прислонился к косяку, поставив одну ногу на порог. — А стоящий на твоём пороге разве не пленителен?

— Ты сегодня... — Мо Цзюцзюнь, поймав его полный ожидания взгляд, сжал руку в кулак, поднёс к губам и слегка кашлянул. — Действительно необычен.

Чай Цзыжань блеснул глазами и настойчиво спросил:

— В чём именно?

— В голове.

Чай Цзыжань: «...» *Не начав сраженья, герой пал, и слёзы наполняют взор*. Правду говорили древние! Но Чай Цзыжань был из тех, кого неудачи лишь закаляют. Он вошёл в дом Мо

Цзюцзюня, как к себе домой, уселся за стол, не сбрасывая одеяла, и с лёгкой насмешкой устался на изящный чайник с чашками.

Беспристрастный Мо Цзюцзюнь уже сидел за письменным столом, с видимым удовольствием листая сборник стихов.

Чай Цзыжань слегка кашлянул, чтобы привлечь внимание. Тот действительно взглянул, но спросил:

— Ажань, у тебя зрение испортилось?

«...» Чай Цзыжань, не видя иного выхода, зажал одеяло под мышкой и налил себе чаю. Только тогда Мо Цзюцзюнь сообразил:

— А, ты пить хочешь. Не церемонься, чувствуй себя как дома. Заодно и мне налей.

«...» Чай Цзыжань, следуя просьбе, налил чашку и поставил на стол. Мо Цзюцзюнь поднял руку со сборником:

— Подай сюда.

Раз уж на такое непристойное дело, как соблазнение, решился, то подать чашку — сущий пустяк. Чай Цзыжань одной рукой удерживал одеяло, а другой понёс чашку, медленно приблизился к Мо Цзюцзюню и, расплывшись в улыбке, произнёс:

— Господин Цзюцзюнь, извольте откушать чаю!

Мо Цзюцзюнь принял чашку, отпил глоток и равнодушно поинтересовался:

— К чему ты облачился в столь... своеобразные одежды?

Вопрос был задан столь деликатно, что Чай Цзыжань не посмел признаться: «Чтобы тебя соблазнить, а под этим скрывается нечто, от чего ты покраснеешь». Он лишь улыбнулся, окинул взглядом распахнутую дверь и, прежде чем Мо Цзюцзюнь снова спросил, не болен ли он глазами или головой, неспешно подошёл и закрыл её. Яркий солнечный свет остался снаружи, но внутри не стало темнее. Однако Чай Цзыжань вдруг занервничал, раздумывая, как бы попросить за госпожу Суй поделикатнее.

Мо Цзюцзюнь прервал его размышления:

— Одежда твоя хоть и... особенная, но неудобна, поди переоденься.

Чай Цзыжань опешил, затем остолбенел, поняв, что это — деликатный намёк на уход. Он устался на того:

— Ты... меня выгоняешь? — Кроме того детского случая, когда он чуть не утопил Мо Цзюцзюня, как бы тот ни шалил, его никогда не выгоняли.

Мо Цзюцзюнь поднял глаза, заметив капли пота на его лбу, и безразлично произнёс:

— Конечно, нет. Пойди, переоденься в моё.

— А! — Чай Цзыжань с облегчением выдохнул. Он-то думал, Мо Цзюцзюнь раскусил его уловку, и уже было испугался и захотел ретироваться.

В спальне Мо Цзюцзюня стояла ширма, полная поэтичности, с изображением нежного лотоса, только показавшего острые листья, и стрекоз, сидящих на стеблях. Чай Цзыжань порылся в его гардеробе. Хотя он был чуть ниже и тоньше, надеть его одежду труда не составляло. Но, перебрав всё, он обнаружил, что всё — сплошная чернота, да на груди у каждой вещи — серебряная вышивка волчьей головы, смотрелось весьма странно. Взял наугад одну и скрылся за ширмой переодеваться.

Одежду он надевал потому, что под синим одеялом на нём ровным счётом ничего не было. Ради народа уезда Суюй он был готов на всё.

Стоя за ширмой, он вдруг изрёк:

— Мо Цзюцзюнь, я мужчина, переодеваюсь, так что не подглядывай.

Из-за ширмы донёлся спокойный голос:

— Угу.

Облегчения Чай Цзыжань не почувствовал, лишь грусть нахлынула. Неужто некогда галантный юноша, сам раздевшийся и явившийся, удостоится такой участи? Несправедливо! Решил, что надо уж точно соблазнить его по-настоящему. Одеяло внезапно соскользнуло, босая нога подкосилась, и он повалился на изящную ширму с лотосом.

Грохот. Мо Цзюцзюнь мгновенно вскочил и бросился к нему:

— Ажань, что с тобой?

Обнажённое тело предстало перед глазами, белизной распластавшись на поэтичной ширме. Чай Цзыжань поднял глаза, полные слёз, и надулся:

— Ацзюнь, я упал.

Рука Мо Цзюцзюня, готовая его поднять, застыла в воздухе. Голова будто кровью наполнилась, в ушах зазвенело, во рту пересохло. Он сглотнул, но от этого горло сжалось ещё сильнее.

Чай Цзыжань, лежа на ширме и прикрывая срамные места, вдруг вспомнил о важном:

— Как думаешь, ты хоть цветочек красивее?

Рука Мо Цзюцзюня, уже почти касавшаяся его кожи, замерла в сантиметре от тела. Тот смотрел на него в полном недоумении.

Чай Цзыжань повторил:

— А я хоть цветочек красивее? — Видя, что Мо Цзюцзюнь молчит, он с возмущением натянул одеяло, закутался с головой, уселся на ширму и завопил:

— Эх вы, неучи безвкусные! Совсем из ума выжили!

«...» — Ты не больно? — спросил Мо Цзюцзюнь.

— Со злости прошло, — прямо ответил Чай Цзыжань.

«...» Мо Цзюцзюнь на мгновение застыл, его горячий взгляд уставился на тело, обёрнутое

синим одеялом. Он смотрел ошеломлённо:

— Ты... — Оказывается, тот был голый.

Под этим взглядом Чай Цзыжань похолодел, но в то же время обрёл крупицу мужской уверенности. Быть отвергнутым старухой или звездой Терема Хуахуа — не страшно, если хоть один мужчина способен оценить его прелести. Спокойно спросил:

— Ты же видел моё тело. Как думаешь, кто красивее — я или Юань Хан?

Мо Цзюцзюнь окинул его взглядом с ног до головы и вместо ответа спросил:

— Вчера был в том месте, где нечисть и злые духи обитают?

Чай Цзыжань, возбуждённый, позволил одеялу упасть, вцепился обеими руками в плечи Мо Цзюцзюня и с предельной серьёзностью повторил:

— Как думаешь, кто красивее — я или Юань Хан?

Мо Цзюцзюнь с той же серьёзностью изрёк:

— Юань Хан.

<http://bllate.org/book/15931/1423898>